

- Современный актер и его роли
- О творчестве Валентина Левашова

И НОГДА меня спрашивают, какую жизнь я хотел бы прожить. На этот вопрос я всегда отвечаю: сложную, трудную. Так что же, выходит, я сам себе желаю трудностей? Наверное, да. Меня всегда пугают и настораживают благополучие, душевная сбалансированность. Мне кажется, что человек, а художник во сто крат более, не может быть спокоен, доволен тем, чего достиг. Но если ему не хватает достигнутого, значит, он стремится к чему-то большему, высшему? Новое всегда трудно, оно не дается без борьбы, без преодоления препятствий. Вот поэтому я и говорю, что не хочу для себя благополучия, покоя.

На моем достаточно долгом актерском веку есть и радости творческих удач, и мучительные переживания по поводу неудавшихся или же вообще несыгранных ролей. И сегодня, оглядываясь в прошлое, перебирая в памяти события прошедших лет, я все более убеждаюсь во мнении, что как бы ни драгоценны, ни приятны были для меня творческие победы, все же как человек, как актер я сформировался, преодолевая трудности, переживая огорчения и неудачи. Да, именно так.

И успех, окончательный успех той или иной работы всегда рождается трудно, мучительно. Оттого-то он, успех, и дорог. Я не верю, что работа, которая дается слишком легко, может принести подлинную радость. Эта уверенность вытекает из многих наблюдений за творчеством талантливых людей, с которыми доводилось мне работать в театре и кино.

Значит ли это, что актер, на долю которого выпало много переживаний, страданий, должен работать интереснее, нежели актер так называемой счастливой творческой судьбы? Конечно, нет. Первый и самый главный компонент творчества — это талант, одаренность. Но все дело в том, что талантливые люди никогда не бывают, просто не могут быть в состоянии внутреннего самодовольства. Они всегда ищут, пробуют, добиваются.

Таков талантливый человек в любой области, не только в искусстве, но и в промышленности, в сельском хозяйстве или на партийной работе. Как и каждому актеру, мне приходится много ездить, встречаться с разными людьми. И всегда, вольно или невольно, задаю себе вопрос: как же случилось, что, допустим, на этом заводе из ста сталеваров рекордные плавки дает вот этот, один? Почему из ста председателей колхозов лучше всего органи-

к пленуму правления Союза кинематографистов СССР

ЖДУ ВСТРЕЧИ С ГЕРОЕМ

зовал и наладил хозяйство этот, один? Мы бесконечно спорим, дискутируем о положительном герое. Но ведь они-то, эти самые сталевары, колхозный председатель, и есть истинные положительные герои современности. Им наша страна обязана своими достижениями, в результате труда этих людей растет уровень материального благосостояния, они могут стать примерами для нравственного, эстетического воспитания подрастающего поколения. Причем, отмечу, чаще всего в жизни эти люди скромны, лишены эффектных внешних проявлений.

Мы пытаемся рассказать в искусстве об этих прекрасных людях. Стоп. Сказал слово «прекрасные» и понял, что в этой-то укоренившейся попытке одним или несколькими словами охарактеризовать образ положительного героя и кроется наша, на мой взгляд, главная ошибка. В том-то все и дело, что люди сложные, противоречивы, подчас очень трудны в общении. А какими их воссоздаем мы?

Мне довольно часто приходится выступать в амплуа «положительного героя». Еще чаще приходится читать сценарии, где есть такие образы. Не буду сейчас говорить о том, как много вынужден я отказываться (хотя и не скрою, сниматься актеру всегда хочется) из-за явной непригодности драматургического материала. Но дело не во мне.

Вот читаю я, перечитываю эти сценарии и, честное слово, ругаться хочется. Ну что это за люди, которые бродят по страницам киносценариев, изрекают непреложные истины, на все знают правильные ответы. Я артист, я не драматург. Но если мне предлагают роль директора завода, я хочу знать, почему директором стал именно этот человек. Какими исключительными чертами характера обладает человек, которому доверили руководство большим коллективом, который распоряжается народнохозяйственными средствами? Почему он, а не другой? Я ишу ответа на эти вопросы у драматурга. И очень часто, к

большому сожалению, не нахожу.

Как взрослый человек я знаю, что любая победа, любое достижение складываются из множества барьеров, препятствий, больших, маленьких, общественных или чисто душевного плана, которые сумел преодолеть данный персонаж. Но чтобы передать это на экране мне, актеру, нужны поступки, слова. Поступки в большой мере, потому что очень часто именно словами, словесной чепухой пытаются подменить отсут-

Петр ГЛЕБОВ,
заслуженный артист
РСФСР

ствие действия как такового. А в действии-то героя и проявляется его характер. Причем под действием я подразумеваю и паузы, молчание, когда человек думает, принимает решения. («Думать» в моем представлении значит тоже «действовать»).

Положительный герой становится положительным героем в результате каких-то конкретных дел. Зритель сам должен решать, каков он, этот персонаж. А мы часто преподносим зрителю готовенького, уже запрограммированного героя. И пытаемся доказать: он и только он является положительным.

Сравнительно недавно закончил две большие работы: сыграл Петра Щетинкина в фильме «Кочующий фронт» и минера Савчука в четырехсерийном телефильме «Неизвестный, которого знали все». Обе роли, как говорят, положительные. У обоих героев есть реальные жизненные прототипы. Кинофильм «Кочующий фронт» посвящен подвигам легендарного командира времен гражданской войны Петра Щетинкина. Факты биографии скромного киевского минера Шевченко были использованы сценаристом В. Золотаревским при написании сценария телефильма.

Вначале, прочитав сценарий телефильма, я отказался от роли, не скрою, не хотелось на полтора года уезжать от семьи (фильм снимался в Киеве), да и устал я

очень от предыдущей работы. Но потом наши переговоры с «Укртелефильмом» были продолжены, в сценарий были внесены некоторые изменения. Но, пожалуй, главное, что заставило меня изменить первоначальное решение, — это документальный фильм, снятый в момент, когда Шевченко обезвреживал мины. Я сидел в просмотровом зале и не мог оторвать глаз от рук этого человека. Видел, как он брал мину (а ведь часто достаточно крика, громкого шума, чтобы эти страшные пакетики прошедшей войны «ожили» — превратились в белое пламя взрыва, убивающее все живое). Передо мной на экране был скромный, внешне совсем не примечательный человек. Очень спокойно, даже буднично он брал эту самую мину, обмахивал ее от песка (тридцать лет пролежала она в земле!), откладывал в сторону. Потом они вывозили эти мины в лес, подальше от жилья, от людей и расстреливали их. Тут становилась очевидной страшная, злобная сила, притаившаяся в ржавых металлических коробках.

Эти сцены есть в фильме. Но я сейчас говорю о том, что для меня как актера, которому предстояло работать над образом, рассказали о герое его руки. Я думал, сколько же мин, снарядов, бомб должен был обезвредить этот человек, чтобы найти эти точные, скупые, как будто даже неконтролируемые движения. Какой героизм, сила, мужество нужны, чтобы каждый день, когда для всех давно уже отгремели взрывы войны, выходить снова и снова на передовую линию огня! Какой выдержкой должен обладать он! Я очень люблю своего Савчука и счастлив, что сыграл эту роль. В моем представлении Савчук — это и есть истинный положительный герой наших дней.

Ну а что же Петр Щетинкин, человек, о котором пели песни, складывали легенды при жизни? Я видел хронику времен гражданской войны о похоронах Щетинкина. Видел тысячи людей, которые плакали, провожая в последний

путь боевого красного командира. И вот я сыграл эту роль. Доволен ли я? Нет.

Мне кажется, что истинная жизнь Щетинкина наверняка была интереснее, драматичнее, напряженнее, чем показываем мы в фильме. Уверен, что препятствия, которые преодолевал он, были труднее, нежели в сценарии, а следовательно, и в фильме. Моему же кинорою очень много дано побед, причем легких побед. Меня всегда смущает и настораживает, об этом уже шла речь, легкость побед, удач, в какой бы области они ни произрастали. И не верю я, что Щетинкин стал бы тем самым Щетинкиным, память которого свято чтим мы, если бы так легко и просто было побеждать врага.

Роль, как она написана и сыграна мной, кажется слишком прямолинейной: характер не имеет развития, он с самого начала задан в определенных параметрах. Наверное, здесь есть и моя вина как исполнителя. Наверное. Но сейчас мы говорили о драматургии образа положительного героя, то есть о том исходном материале, который получает актер для работы.

Искусство не может существовать без правдивого, объективного отражения социальных, нравственных и общественных процессов, протекающих в современном обществе. Чем характерно наше время, наша эпоха? Среди многих факторов, определяющих жизнь нашей страны, первым я назову становление, формирование личности человека коммунистического общества. Мы называем его в искусстве положительным героем. Может быть, термин этот и не самый точный, но смысл, который мы вкладываем в это понятие, остается неизменным — это человек, который достоин подражания.

Так почему же так мало в нашем искусстве, в нашем кинематографе художественных образов, достойных еловеческого уважения, восхищения, наконец, поклонения. Если мы будем говорить о больших актерских удачах, то вновь должны вспомнить Ульянова — Трубникова, Лаврова — Башкирцева. Можно назвать еще пять — десять имен. Но и только.

Открываешь газету, включаешь телевизор, приезжаешь на завод или в колхоз — встречаешь удивительных, просто удивительных людей, героев нашего времени. И становится обидно до слез, когда закрываешь последнюю страницу сценария или пьесы и говоришь себе: опять встреча с героем, о котором давно мечтаешь, не состоялась.